

В памяти прежнего хозяина семья Хань неизменно ассоциировалась с простотой и бесхитростной честностью. Однако, присмотревшись и взвесив все факты, Хань Чжан пришел к выводу, что у этих людей водились свои хитрости: за фасадом добродушных простаков скрывались весьма расчетливые и проницательные умы.

Впрочем, старая мудрость гласит: судить следует по делам, а не по помыслам, ибо если копаться в чужих мыслях, на свете не сыщется ни одного праведника. Семья Хань, безусловно, возлагала на него тяжкие надежды по возрождению рода, но и их забота, и их жертвы были абсолютно искренними. С самого детства, стоило в доме или в клане появиться чему-то маломальски ценному, как это тут же оказывалось перед ним, а его слово в клане имело немалый вес. И был в этом один несомненный, спасительный плюс: весь клан Хань обладал поистине нерушимым единством.

Ночь прошла в крепком, беспробудном сне.

На следующее утро Хань Чжан поднялся с первыми лучами солнца, облачился в удобную для движений короткую холщовую одежду и, следуя заведенному прежним хозяином распорядку, вышел во двор, чтобы пробежаться и размять мышцы, как он делал это ежедневно. Попутно он обдумывал, как именно парировать грядущий удар со стороны клана Ло. Учитывая многолетнюю вражду двух родов, эта неприятность не заставила бы себя долго ждать.

И Хань Чжан не ошибся в своих предположениях: удар со стороны клана Ло обрушился гораздо быстрее, чем он ожидал!

Во второй половине дня, когда солнце уже клонилось к закату, управляющий семьи Сун явился в деревню Шанпо, чтобы с важным видом огласить одну новость.

— В честь помолвки нашей барышни с господином Ло хозяин решил в этом году снизить арендную плату на поля, сдаваемые в аренду деревне Шанпо, на одну десятую. Разумеется, это правило не касается всего клана Хань: ваша арендная плата, напротив, возрастет на две десятых, ибо наш хозяин сходил в храм и погадал: гороскоп всего вашего клана Хань вступает в роковое, губительное противоречие с гороскопом нашего хозяина!

Услышав эти слова, лица всех собравшихся членов клана Хань мгновенно побелели, словно их окатили ледяной водой. Хотя в последние годы небеса были благосклонны и урожай радовал, возможности земли в эту эпоху оставались ограниченными, и после уплаты всех налогов в казну оставалось ровно столько, чтобы не умереть с голоду. А теперь семья Сун требовала отдать семь десятых урожая, словно искренне боясь, что они недостаточно быстро вымрут от истощения.

Глава клана Хань тут же всполошился, протягивая вперед дрожащие руки:

— Управляющий Хэ, неужели здесь закралась какая-то ошибка? Мы арендуем поля семьи Сун уже столько лет, как наш гороскоп мог вдруг стать губительным для господина Сун?

— Именно, именно, управляющий Хэ, здесь наверняка какая-то досадная оплошность!

— Нынешний урожай едва позволяет нам быть сытыми, а вы вдруг поднимаете плату на две доли, это же совсем не оставляет нам пути к выживанию!

Остальные члены клана подхватили эту мысль, и каждый из них горел от тревоги, переминаясь с ноги на ногу. Ведь урожай для земледельца - это сама жизнь, как тут сохранить ледяное спокойствие?

Но семья Сун явно намеревалась вступить за своих новых родственников из клана Ло и намеренно чинила препятствия. Управляющий Хэ, изобразив на лице натянутую, скользкую улыбку, лениво отмахнулся:

— Глава клана Хань, послушайте, о чем вы говорите, все не так уж и страшно. Всего лишь две дополнительные доли арендной платы, у вас же остается еще три доли зерна, не так ли? Как это может считаться чрезмерным? Без полей нашего хозяина вы бы и зерна не собрали, не будьте же столь жадными. И раз мастер в храме сказал, что ваши гороскопы несовместимы, значит, так оно и есть. Если бы не безграничная доброта нашего хозяина, он бы просто забрал землю обратно, и весь ваш клан сейчас питался бы одним лишь западным ветерком!

Глава клана Хань задрожал всем телом, сжимая кулаки так, что побелели костяшки:

— Вы... вы...

Не успел он договорить, как к ним неспешно подошел деревенский староста. Его взгляд нервно бегал, избегая глаз главы клана Хань, а в голосе сквозила тень вины:

— Братец Хань... есть еще одно дело. В этом году квоты вашей семьи на отбывание государственных повинностей... больше нельзя будет откупить серебром. Иначе в деревне просто не останется рабочих рук...

Глухой стук упавшего тела раздался в тот самый миг, когда староста закончил фразу. У собравшихся членов клана Хань мгновенно потемнело в глазах, и несколько стариков, не выдержав удара, тут же рухнули без чувств.

Насколько смертельно опасны были государственные повинности? Это знал любой человек с малейшим здравым смыслом. Каждый год, когда наступал срок, все, кто имел хоть какое-то состояние, отчаянно собирали деньги, чтобы откупиться. Если теперь деревня не позволяла им избавиться от беды звонкой монетой, сколько из молодых мужчин клана Хань вернется живыми? А когда молодежь вымрет, в клане Хань останутся лишь дряхлые старики, женщины и дети, и о каком будущем тогда может идти речь? Это была явная, хладнокровная попытка загнать весь их клан в могилу!

И самое обидное было то, что они не могли открыто сопротивляться, поскольку ни повышение арендной платы, ни отмена возможности откупа от повинностей формально не нарушали закон; максимум, что грозило семье Сун и старосте, - это сомнительная репутация бессердечных людей.

— Слишком уж вы нас унижаете, вы действительно зашли слишком далеко... — члены клана Хань дрожали всем телом, не в силах сдержать кипевший внутри гнев.

В том, что касалось повинностей, не требовалось долго гадать: это явно было сделано по прямому указанию управляющего Сун, который надавил на старосту.

Остальные жители деревни, хоть и получили выгоду от снижения арендной платы, не могли порадоваться от души, ощущая тяжелый ком в горле. Ведь если погибнут губы, зубам будет холодно. Сегодня управляющий Сун помогает клану Ло и притесняет клан Хань, но кто знает, не станут ли они следующей мишенью, если у них возникнет малейший конфликт с кланом Ло?

Зато в клане Ло царило неподдельное ликование. Мать ученого Ло, тетушка Ло, не преминула воспользоваться случаем, чтобы похвастаться и как следует добить поверженного врага.

— Ой, глава клана Хань, вы уж слишком много на себя берете! — воскликнула она, делая вид, что искренне сожалеет. — Земля принадлежит семье Сун, и если господин Сун согласился сдать ее вам в аренду, это его добрая воля, а повышение платы - его законное право, как это можно назвать унижением? Если вы чувствуете обиду, просто не арендуйте поля господина Сун, вот и все...

Она прикрыла рот рукой, заливаясь злорадным, визгливым смехом.

Но эти слова были чистой воды бессмыслицей. Все поля вокруг деревни Шанпо принадлежали господину Сун, и если не арендовать их у него, то у кого? В столице каждый клочок земли стоил золота, и тех нескольких тощих му, которые накопили члены клана Хань, совершенно не хватало, чтобы прокормиться. Чтобы выжить, оставалось только арендовать чужую землю. Такова была участь простолюдинов: стоило тем, кто наверху, лишь слегка пошевелить пальцем, как на тебя обрушивалась такая тяжесть, что перехватывало дыхание. Поэтому нельзя было винить дедушку Ханя и других старейшин клана за то, что они сходили с ума от желания изменить свой социальный статус.

Видя, что члены клана Хань онемели и не могут найти слов для ответа, управляющий Хэ удовлетворенно махнул широким рукавом:

— Раз у вас нет возражений, вопрос с арендной платой решен, в этом году клан Хань обязан выплатить ее в полном объеме.

С этими словами он развернулся, намереваясь удалиться. Но в следующее мгновение его окликнули.

Хань Чжан, наблюдавший за всей сценой из глубины толпы, медленно вышел вперед, и его голос прозвучал ледяным, отрезвляющим холодом:

— Семь десятых арендной платы клан Хань заплатить не в состоянии. Раз наш гороскоп вступает в роковое противоречие с гороскопом господина Сун, мы отказываемся арендовать эту землю. Заберите свои поля обратно.

Как, отказаться от аренды?

Услышав это, все в шоке уставились на Хань Чжана, гадая, не сошел ли он с ума, произнося подобную чушь. Если не арендовать поля семьи Сун, неужели клан Хань рассчитывает прокормиться на своих нескольких тощих му и не боится вымереть от голода?

— Далагэ... — Глава клана и дедушка Хань тревожно переглянулись, решив, что юноша, не в силах стерпеть обиду, поддался минутному порыву и ляпнул это сгоряча.

Но Хань Чжан сохранял абсолютное, ледяное спокойствие и не бросал слов на ветер. Он медленно кивнул собравшимся:

— Я знаю, что делаю, прошу главу клана и старейшин довериться мне.

— Это... — Члены клана Хань заколебались, их лица выражали растерянность, они не знали, как поступить.

В конце концов, глава клана, проявив недюжинную решимость, стиснул зубы и рубанул:

— Хорошо, слушаем Далагэ!

В эту эпоху власть главы клана была огромной, и его поддержка, подкрепленная статусом сюэя Хань Чжана, заставила родственников, несмотря на их тревогу и непонимание, временно закрыть рты.

Увидев это, управляющий Хэ мгновенно утратил дар речи, и улыбка сползла с его лица. Повышение арендной платы для клана Хань было для его хозяина делом естественным, но отказ клана арендовать его землю был прямым вызовом и публичной пощечиной. Лицо управляющего заметно помрачнело:

— Господин ученый, подумайте хорошенько. Земле нашего хозяина не занимать арендаторов. Если вы откажетесь, завтра же мы сдадим ее другим, и вы ее больше не получите.

— Вы сами сказали, управляющий, что весь наш клан вступает в роковое противоречие с господином Сун, поэтому мы просто не можем позволить себе арендовать его землю, — без

тени вежливости парировал Хань Чжан.

Раз управляющий Сун так открыто давил на них, чтобы поддержать клан Ло, клану Хань нечего было церемониться. Даже если бы они униженно кланялись, их все равно бы не пощадили.

— Хорошо, у господина ученого есть гордость, недаром он книжник! — Удовлетворившись этим, управляющий Хэ не стал больше спорить, бросил эту фразу с холодной усмешкой и, фыркнув, удалился, демонстративно взмахнув широким рукавом.

Когда он ушел, деревенские жители и злорадствующие члены клана Ло тоже неспешно разошлись. Староста тяжело вздохнул, не зная, что еще сказать, и лишь с чувством глубокой вины поклонился главе клана Хань:

— Братец Хань, не вини меня за то, что я ставлю вас в трудное положение, просто семья Сун... мы все не можем с ними тягаться.

Хотя семья Сун в столице и не была самой влиятельной, наличие чиновника в их рядах делало их для простых людей настоящим чудовищем, способным раздавить своим авторитетом. С этими словами он, тяжело вздыхая, удалился.

...

В доме семьи Хань.

Старейшины клана собрались вместе, их лица выражали глубокую озабоченность, когда они обсуждали только что произошедшее, нервно теребя края одежды. Дедушка Хань задал вопрос от имени всех, склонив голову к внуку:

— Далагэ, расскажи, каков был твой замысел, когда ты запретил клану продолжать аренду полей семьи Сун?

Хань Чжан не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу:

— Дедушка, семья Сун явно намерена помочь клану Ло нас притеснить. Раз они уже зашли так далеко, даже если мы склоним головы и начнем им угождать, хорошей жизни нам не видать. Вместо того чтобы позволять им нами манипулировать, лучше разрушить старое и построить новое, найдя другой выход.

Глава клана тревожно нахмурился, потирая виски:

— Но в кратчайшие сроки какой у нас может быть выход? У семьи Сун есть чиновник, а мы в клане Хань все сплошь грязные крестьяне, и наша жесткая конфронтация с ними сродни тому,

как муравей пытается сдвинуть вековое дерево. Не говоря уже о прочем, возьмем хотя бы еду: без полей семьи Сун мы в этом году просто не выживем.

Остальные старейшины согласно закивали. Они были не слишком пессимистичны, такова была суровая, неумолимая реальность.

Но у Хань Чжана уже был план.

— Столица находится под ногами Сына Неба, и даже если семья Сун захочет помочь клану Ло нас притеснить, они не посмеют зайти слишком далеко. Раз Ло Ин смог прицепиться к барышне Сун, я, разумеется, тоже смогу найти хорошую семью для брака, — заявил он, расправляя плечи.

Он был человеком, вкусившим горечь жизни, и в нем не осталось юношеского максимализма. В конце концов, сейчас у него не было никого на примете, а "мягкий рис" его совершенно не смущал.

Чтобы успокоить родных, Хань Чжану пришлось немного приукрасить действительность:

— Глава клана, дедушка, не извольте волноваться, насчет женитьбы у меня уже есть кое-какие соображения, просто ждите хороших новостей.

— Правда? Это же замечательно! — Члены клана Хань ничуть не усомнились и все до единого просияли от радости, словно увидели луч солнца в пасмурный день.

Дедушка Хань, все еще обеспокоенный, спросил, нервно теребя бороду:

— А что же делать с полями? Если мы не можем их обрабатывать, что мы будем есть и пить?

Сытый желудок был куда более насущной проблемой, чем женитьба. Но для Хань Чжана это было простейшей задачей.

— Дедушка, если мы не можем обрабатывать землю, мы можем заработать деньги другим путем. Недавно я придумал одну вещь, которая называется «спички». Если мы вынесем их на рынок, они определенно продадутся по хорошей цене, и мы сможем в кратчайшие сроки решить проблему с деньгами на еду для всего клана.